

Людмила Мазур
(Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

**Образы власти в раннесоветском обществе:
эволюция официальных репрезентаций,
источники и механизмы конструирования**

Images of Power in the Early Soviet Society: Evolution of Official Representations, Sources and Mechanisms of their Construction

Key words: symbols of power; Soviet government; early Soviet society; image of Soviet power

Annotation: The article discusses creation and evolution of the official image of Soviet state power between 1917 and the 1930s. This image was deliberately constructed and included symbols of statehood (national coat of arms; motto; flag; and anthem); institutions that embodied characteristics of power organization; leaders as personification of power; the state myth; rituals; and sites of memory. Throughout the early Soviet period, the evolving image of power reflected the changes in the government's self-understanding. Regarding the structure and the ideological content of the image of power, we can point out three successive variations: revolutionary; people's (workers and peasants), and Party-state. The article describes the structure of these variations and the factors that shaped their development.

Представления власти в обществе вczesносowieckim: эволюция официальных репрезентации, источники и механизмы конструирования

Слова ключовые: Росја, симболе власти, власть советская, общество советское, образ власти

Streszczenie: W artykule zostały przeanalizowane kwestie kształtowania oficjalnego obrazu władzy sowieckiej począwszy od 1917 r. a skończywszy na latach 30-ch XX wieku. Autorka dochodzi do wniosku, że obraz ten był kształtowany celowo i w sposób przemyślany. Wbudowano w niego symbole państwowości (herb, motto, flagę, hymn); instytucje wyrażające specyfikę organizacji władzy; jej zaplecze społeczne; personalia utożsamiające władzę (wodzowie, liderzy); mit państwowy; rytuały; miejsca pamięci. W ciągu okresu wczesnosowieckiego obraz władzy sowieckiej niejednokrotnie się zmieniał oddając

---

This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 "The Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results").

zmiany w wyobrażeniach władzy samej o sobie. Uwzględniając komponent strukturalno-ideologiczną można wyodrębnić trzy podstawowe obrazy, kolejno następujące jeden po drugim: rewolucyjny, ludowy i partyjno-państwowy. Artykuł zawiera opis struktury tych przedstawień i analizuje czynniki wpływające na ich ewolucję.

1. Введение

Важным аспектом управленческих стратегий и практик является формирование образа/имиджа власти, который во многом определяет ее восприятие населением страны и международным сообществом. Образ власти несет определенный информационный посыл, направленный на репрезентацию миссии, целей и способов их достижения. Особенно остро проблема формирования образа стоит перед государством, которое образуется в результате раскола общества в ходе революций и гражданских войн. В этом случае власть решает задачу легитимации в условиях нестабильности и разделения общества на «своих» и «врагов». Она должна не просто «завоевать» его, установить контроль, но и создать надежную социальную базу, способную обеспечить стабильное развитие государства.

Образ власти формируется, в первую очередь, ее практиками, теми мероприятиями, которые проводятся правительством. Они должны быть поддержаны и одобряемы обществом. В последнем случае включаются механизмы агитации и пропаганды, цель которых убедить население в необходимости и полезности предлагаемых правительством мер. В случае открытого противостояния власть прибегает к силовым воздействиям (принуждение, репрессии). Как показала история, страх является достаточно эффективным дополнением к лозунгам и призывам.

В долговременном режиме лояльность и поддержка населения обеспечивается такими механизмами как *патриотическое воспитание*. Это система норм и правил, одобренных властью, которая воздействует на сознание и поведение людей через государственные ритуалы и праздники, места памяти, СМИ, образование, литературу и искусство, науку, реализуя идеологический заказ. В советской практике воспитательную функцию выполняли не только партийные и государственные, но и общественные организации, производственные структуры, в том числе система наказания (ГУЛАГ), использующая в своей практике формулу «перевоспитания трудом».

Таким образом, власть не может не думать о своем имидже, целенаправленно его конструирует, используя различные источники и механизмы. Но задача изучения образа власти не ограничивается реконструкцией и анализом его официальной версии. Образ, конструируемый и транслируемый властью, дифференцированно воспринимается обществом, преломляется в сознании различных социальных групп, формируя различные зеркала – вариации отражения образа – от «положительного», соответствующего властному заказу, до «критического» или «негативного», отражающего протестные настроения. В этом случае встает проблема реконструкции и анализа зеркал восприятия обществом офи-

циального образа, их ранжирования по степени представленности в коллективном сознании и влиянию на коллективные реакции.

Цель данной статьи – выделить основные символы и реконструировать официальный образ советской власти, проследить его эволюцию в раннесоветский период (1917 – 1930-е гг.).

Особенностью изучаемого периода является ситуация социального эксперимента, когда, оказавшись неожиданно для себя во главе огромной разоренной войной и взбудораженной революцией страны, большевики были вынуждены решать множество проблем – от формирования новой государственности, ее защиты и укрепления в условиях разгорающейся гражданской войны до реализации задач социальной революции, направленных на построение коммунистического общества.

Эти две цели – защита «социалистического отечества» и строительство коммунизма – определяли идеологический заказ власти на всем протяжении истории советского государства, а в рамках раннесоветского периода были особенно актуальны. Они задавали основной тренд формирования образа власти, поскольку она нуждалась не просто в лояльности общества, а в активной поддержке, в том числе готовности граждан отдать все силы и даже жизнь на решение поставленных перед ними задач. Поэтому формирование образа власти сопровождалось интенсивным социальным инжинирингом, нацеленным на формирование нового человека – пламенного борца и убежденного коммуниста, беспрекословно выполняющего приказы партии и правительства.

Характерной чертой образа советской власти был разрыв с более ранней политической традицией (монархией) и позиционирование новых органов власти (советов) как выразителя воли эксплуатируемых классов. Идея народности власти³ в этом случае заменялась идеей *классовости* и непосредственно влияла на подходы новой власти к презентации своей социальной базы.

Анализируя проблему формирования образа советской власти, необходимо учитывать и тот политический багаж, который имели большевики к моменту Октябрьского переворота. Будучи носителями радикальной подпольной политической культуры, основанной на идеях раскола, большевики с приходом к власти распространили эти принципы на государственную политику. Она была нацелена на уничтожение несогласных и достижение единства, исключаящего разномыслие, т.е. опиралась на насилие.

Отсутствие навыков политического диалога и опыта парламентского управления, а также отрицание либеральной модели власти, как буржуазного наследия, стало основой для конструирования образа советской власти, в котором центральными были идеи *борьбы и единства*. Кроме того, большую смысловую нагрузку несла идея *будущего*, ради которого приносились жерт-

---

³ Имеется в виду теория официальной народности, предложенная С. С. Уваровым. См. подробнее: Р. Вортман, «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века, „Россия. Russia“, вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе, Москва 1999, с. 233 – 244

вы и которая оправдывала все действия власти (см. табл.1). Таким образом, информационный посыл, включающий совокупность идей будущего, борьбы, единства и классовости, составлял каркас образа советской власти и транслировался через структурообразующие символы и знаки.

2. Структура образа власти

Образ власти – это семиотически оформленная система представлений власти о себе, а также те представления о власти, которые формируются в обществе. Он включает понятия о ее сущности, функциях, структуре власти, а также ожидания от власти определенных социально-политических действий⁴. Он должен транслировать узнаваемую информацию, обеспечивать идентификацию конкретной системы власти и ее отличие от другой – прошлой или альтернативной. Кроме того, образ должен включать идеи и символы, отражающие общие атрибуты власти и символизирующие ее силу/мощь, прогресс (важно для эпохи модернизации), стабильность, справедливость и народность (власть как защитник и выразитель интересов народа).

Структура образа власти включает ряд элементов, обеспечивающих полноту его восприятия и уровень воздействия на сознание – это:

- символы, отражающие миссию государства (герб, девиз, флаг, гимн, знаки – звезда; серп и молот);
- государственные институции, идентифицирующие организационно-правовые основы власти (советы, Красная армия, РКП(б) и проч.);
- социальные группы, на которые опирается власть и которые рассматриваются в качестве ее адепта (рабочий класс, крестьяне);
- персоналии, символизирующие власть в конкретно-историческом и государственно-территориальном аспекте (вожди, лидеры);
- государственный миф (советский миф);
- ритуалы (государственные церемонии, праздники);
- места памяти (памятники, мемориалы, музеи, в том числе документы – конституция, декларация, манифест, а также денежные знаки).

Центральное место в структуре образа власти занимают государственные символы. По мнению Б. И. Колоницкого, «символы – это неотъемлемая часть формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой политической структуры или общности»⁵. Символы реализуют функции мобилизации и легитимации, играют компенсаторную роль, снимая напряженность в обществе и переключая его внимание с текущих проблем на глобальные цели. Следует выделить также коммуникативную функцию символов, поскольку они транслируют основные идеи власти и закрепляют их на уровне подсознания, т.е. являются не только элементом образа власти, но и механизмом трансляции ее главных идей. Концентрированным выражением государ-

---

⁴ Н. А. Романович, *Образ власти как отражение российской политической культуры*, „Вестник ВГУ” серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010, № 1, с. 169.

⁵ Н. А. Романович, *Образ власти как отражение российской политической культуры*, „Вестник ВГУ” серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010, № 1, с. 169.

ственной символики является герб, все элементы которого, начиная от формы и заканчивая элементами изображения, несут определенный смысл (Рис.1).

Рис. 1 Герб РСФСР (19 июля 1918 – 20 июля 1920)

Что касается полноты образа, то отсутствие или неверное конструирование каких-либо элементов влияет на его эффективность. Создание полноценного образа требует времени и включает этапы проектирования, конструирования и реконструкции. Затраты времени зависят от позиции власти (преемственность или отрицание предшествующих систем власти), внутренних и внешних условий функционирования власти (стабильность/нестабильность), наличия и владения механизмами конструирования, а также осознания на властном уровне важности этих задач.

В практике конструирования образа советской власти отчетливо выделяются два этапа:

– *стихийный период* (ноябрь 1917 – март 1918 гг.), когда формирование образа шло хаотично и интуитивно с опорой на подпольно-партийный опыт взаимодействия с массами. На этом этапе основную нагрузку по конструированию образа власти приняла на себя законодательная практика новых органов управления. В частности, большую роль сыграли декреты, претворявшие в жизнь обещания и лозунги большевиков, выдвинутые на этапе подготовки Октябрьского переворота, а также отвечавшие на запросы рабоче-крестьянских и солдатских масс.

– *с апреля 1918 г.*, когда были созданы основные *пропагандистские структуры*, процесс конструирования образа власти становится более организованным, целена-

правленным и контролируемым властью, постепенно подчиняя данной задаче не только пропагандистские структуры и СМИ, но и систему образования, литературу, искусство, кино и другие информационные каналы.

Итак, образ власти *оперирует* эмоционально заряженными символами, *подвижен* и трансформируется в ответ на запросы власти, но в то же время *стабилен* в своих сущностных характеристиках, обеспечивая историко-временную и пространственную идентичность государственности. Эффективность конструируемого образа власти оценивается через такую характеристику как множественность зеркал восприятия. Она определяется через сравнение официального образа с вариантами его отражения (зеркалами) в сознании разных социальных групп общества. Если они идентичны, то это свидетельствует об эффективности созданного властью конструкта, хотя в реальности такое единодушие встречается крайне редко. Даже в тоталитарных сообществах, где уровень унификации личности очень высок, существует скрытая оппозиция, транслирующая свой образ власти, альтернативный официальному.

3. Эволюция образа советской власти

Эволюция образа власти происходит под влиянием ряда факторов, которые можно подразделить на субъективные и объективные. Объективные факторы определяются внутренними и внешними условиями функционирования власти. Так, например, война относится к дестабилизирующим факторам, способным разрушить привлекательный образ власти. Это же касается результатов внутренней и внешней политики, уровня доверия общества. Субъективные факторы непосредственно связаны с историческими личностями, реализующими властные функции. Образ власти, как правило, персонифицирован и соотносится с деятельностью политических лидеров, их имиджем и уровнем популярности.

На протяжении раннесоветской истории (1917–1930-е гг.) образ власти неоднократно менялся, сохраняя при этом некоторые общие черты, позволяющие его идентифицировать как образ *советской власти*. Вместе с тем его варианты различаются по своей структуре и решаемым задачам. Всего с учетом периодизации раннесоветского общества можно выделить три образа советской власти: революционный; народный; и партийно-государственный образы, которые последовательно сменяли друг друга, отражая изменения в идеологии и запросах власти (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура образа советской власти и его эволюция в 1917–1930-е гг.

Структура образа власти	Революционный образ (1917-1923 гг.)	Народный образ (1924–1929 г. г.)	Партийно-государственный образ (1930-е гг.)
Идеи	Будущее + борьба + классовость	Будущее+ борьба+единство+ классовость	Единство+классовость+ борьба+ будущее

Государственные символы; знаки	Революционные символы и знаки – красный флаг, герб, гимн (Интернационал); серп и молот, звезда	Революционные символы + символы мирного труда и международного братства. Кодификация государственных символов республик и СССР	Преемственность государственных символов республик и СССР; знаки силы/мощи (техника, заводы, электростанции, трактора; самолеты и проч.); процветания и счастья (хлеб, дети, цветы)
Институции	Советы, Красная Армия	Советы, Красная армия, ВКП(б), общественные организации (профсоюзы, женсоветы, комсомол, ДОСААФ и др.)	КПСС, Красная армия, Верховный совет
Общество/социальные группы	Расколотовое общество на 2 лагеря: революционный (рабочие, крестьяне) и контрреволюционный (буржуазия, чиновники, офицеры, мещане, кулаки, духовенство)	Разделенное общество: хозяева (рабочие, крестьяне) и не-хозяева (мещане, кулаки, попы, нэпманы, бюрократия, мещане, лодыри, саботажники)	Единое общество/военный лагерь, противостоящий скрытому внутреннему и внешнему врагу
Персонализация	Не завершена (вожди)	Ленин + вожди	Сталин + Ленин+ вожди
Мифология	Не сформировалась	Революционный миф.	Формирование советского мифологического цикла (миф сотворения/революционный; миф золотого века (коммунизм); героический миф; миф преображения; эсхатологический миф)
Ритуалы и праздники	Ритуалы, связанные со службой в Красной армии (торжественное обещание красноармейца); Революционные праздники	Культе революции; революционные и государственные праздники (день выборов, день конституции, день Красной армии и проч.)	Ритуализация коллективных общественных практик (собрания, съезды, митинги); ритуалы инициации молодежи (октябрята, пионерия, комсомол); праздничный календарь (революционные+государственные+профессиональные+семейные+бытовые)

Места памяти	Разрушение царских мест памяти+ создание мест памяти революции (мемориалы жертвам, революционная топонимика). Декреты советской власти; Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа; Конституция РСФСР 1918 г.	Формирование мемориального пространства революции, в том числе строительство мавзолея и создание музеев Ленина. Конституция СССР 1924 г.	Маркировка пространства советскими символами. Социалистический город (архитектура, памятники, дворцы культуры; парки культуры и отдыха; музеи; топонимы); советская культура; коммунальный быт. Конституция 1936 г.
--------------	--	--	---

3.1. Революционный образ советской власти характеризуется тем, что в нем преобладали символы революции, большинство из которых были порождены событиями 1917 г. К ним относятся, например, такие символы и знаки как красный флаг, революционные песни, эмблема «серп и молот». Большевики их адаптировали к советской модели. В этом, собственно, проявилась преемственность буржуазно-демократического и пролетарского этапа революции, о которой заявляли большевики.

Красный флаг в советской модели власти стал государственным символом, принимая на себя не только смыслы Февральской революции (свобода, жертвенность), но и идею беспощадной борьбы с прошлым и его представителями за коммунистическое будущее.

Прослеживается четкая связь геральдических поисков, предпринятых Временным правительством в условиях революции 1917 г., с практиками советского правительства. Эмблема серпа и молота была использована еще весной 1917 г. на знамени одного из полков российской армии. В качестве герба новой России эсер Д. О. Хелаев предлагал изобразить на красном знамени земной шар, обрамленный венком из лавра, где каждый лист обозначал определенную «союзную республику», предвосхищая элементы государственного герба СССР⁶.

Для раннего этапа советской истории было характерно не только перекодирование февральских символов, но и поиск новых. Отбор символов новой власти строился на противопоставлении с царским прошлым, а также Временным правительством. Марсельеза была заменена Интернационалом; триколор – красным флагом; двуглавый орел – гербом с изображением серпа и молота. Среди государственных институций основным идентификатором новой власти выступали Советы и Красная армия.

⁶ См. подробнее: Б. И. Колоницкий, *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 г.*, „Культурология“ 2002, № 4 (24), с. 98–114.

Персонификация власти на революционном этапе была еще не завершена. В средствах массовой информации использовалось понятие «вожди». Письма рабочих и крестьян, обращенные к новой власти, свидетельствуют о том, что в их сознании отсутствовала ассоциация власти с отдельным человеком. Только к 1922 г. складывается культ В. И. Ленина как вождя революции и безусловного лидера советского государства⁷.

Рис. 2. Плакат из серии «Азбука революции», худ. Адольф Страхов, 1921 г.

Трудящийся народ как символ нового государства был представлен тремя основными фигурами – рабочий, крестьянин, красноармеец, символизирующими два революционных класса, интересам которых «служила» новая власть. Красноармеец, выступая защитником завоеваний рабочих и крестьян, в символике образа власти принимает на себя архетипические смыслы⁸. Представите-

⁷ Н. В. Шалаева, *Персонификация образа власти в советской политической культуре 1920-х гг.*, „Власть“ 2014, № 2, с. 179–183.

⁸ В. Боннелл, *Репрезентация женщины в ранних советских плакатах*, [w:] *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*, под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романовой, Москва 2009, с. 247 (245-272).

ли других социальных групп ассоциировались с прошлым и рассматривались как «враждебные». В целом, мифология новой власти еще не сложилась и скорее была связана с утопией – идеей будущего, во имя чего лилась кровь и приносились жертвы.

Большую роль в пропаганде образа советской власти играли революционные песни. Их объединяющая энергетика с особой силой проявилась в событиях 1917 г., когда они стали инструментом идентификации, самоорганизации и демонстрации настроений и запросов общества. «Марсельеза» стала неофициальным гимном Революции 1917 г., связывая практики Временного правительства с представлениями о Великой французской революции, позже ее сменил «Интернационал» и вместе с другими революционными песнями они заложили традиции советской песенной культуры.

Праздники «свободы», «дни памяти жертв революции» с их ритуалами, появившиеся в 1917 г., были также успешно адаптированы советской властью. В советской модели революционных праздников получили развитие такие формы массовых практик как демонстрации, митинги, шествия, парады, театрализованные представления, объединяя русскую военную традицию, ритуалы церковного православного празднества и традиции революционного подполья (рис. 2).

Рис. 3. Обложка издания Конституции РСФСР 1918 г.

Уже в ходе Революции 1917 г. начинается формирование новых мест памяти, среди которых особое место заняли захоронения героев революции. Советская власть продолжила эту практику. 12 апреля 1918 г. был принят декрет, в котором к 1 мая 1918 г. было предложено убрать наиболее «уродливые» скульптуры и поставить модели новых; украсить улицы к празднику символами рево-

люции – флагами, лозунгами; а также переименовать улицы, заменить надписи и гербы новыми, отражающими идеи и чувства революционной России⁹.

Формирование ритуальной культуры советской власти на раннем этапе ее становления было связано не только с конструированием новой праздничной массовой культуры и мест памяти, но и с созданием государственного церемониала. Одним из первых ритуалов, одобренных властью, стало торжественное обещание воинов Красной Армии, которое начиналось словами: «Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии...»¹⁰.

Особенностью революционного образа власти стало использование новых видов документов, к ним относятся, прежде всего декреты, которые презентовали первые мероприятия советской власти и документировали советские законодательные практики на протяжении всего революционного периода и позднее. Декреты выполняли не только законодательные функции, они выступали как средство информирования, агитации и пропаганды, управления и мотивации, формируя новую правовую среду, государственную систему, а также социальную структуру общества. Среди особый интерес представляют те, которые были связаны с регламентацией оформления официальных документов и отражали их восприятие как инструмента власти, закладывая основы новой бюрократической системы¹¹. Знаковым документом новой власти стала Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. и позднее вошедшая в первую советскую Конституцию, утвержденную V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года (см. рис. 3)¹².

В целом, образ советской власти, формируемый на революционном этапе, характеризуется стихийностью и неполнотой, которая компенсировалась эмоциональностью и жесткой дихотомией «свой/чужой», символизировавшей раскол общества на два враждебных лагеря – защитников и противников революции, носителей «добра» и «зла».

3.2. Народный образ советской власти. 1923–1929 гг. формируется в условиях нэпа и послевоенного восстановления, транслируя новые установки государства. Окончание Гражданской войны способствовало смягчению образа власти, он теряет свою агрессивность. На первый план выходят символы мирного труда, международного братства, ожидания мировой революции.

В результате активной персонификации образа власти и соотнесения его с именем В.И. Ленина уже к 1924 г. сложилась иконография вождя и связанные

---

⁹ Декрет о памятниках республики от 12 апреля 1918 г., [w:] Декреты советской власти: в 15 т., т.2: 17 марта – 10 июля 1918 г., Москва 1959, с. 95-97.

¹⁰ Формула торжественного обещания воинов Рабоче-Крестьянской Красной армии, [w:] Декреты советской власти: в 15 т. т. 2., Москва 1959, с. 156.

¹¹ Постановление о форме бланков государственных учреждений от 2 марта 1918 года, [w:] Декреты советской власти: в 15 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г., Москва 1957, с. 514-515.

¹² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года, URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm#1>

с ней мифологемы, которые после смерти Ленина окончательно утвердились в сознании и психологии простых людей. В зависимости от ситуации и возраста читателя/зрителя/слушателя, которого знакомили с именем В. И. Ленина, выделялись варианты его иконографии: вождь мирового пролетариата; лидер партии большевиков; пламенный революционер; борец за освобождение рабочего класса; государственный деятель и политический лидер; «самый человечный человек».

В Конституции 1924 г. были утверждены государственные символы власти (флаг, герб), отражающие новые масштабы государства – СССР. Они вобрали все предшествующие знаки (серп и молот, звезду), но в обновленной цветовой гамме, где преобладали красный и золотой цвета. В народном образе сохраняется основной символ государственности – советы, но уже не как классовый институт – представитель интересов эксплуатируемого народа, а как народный орган власти. Расширилось и само понятие «народ», которое включает новые смыслы, добавляя к идее классов представления о разнообразии и единстве: при сохранении неравенства и социального разнообразия народ презентуется единым многонациональным коллективом – хозяином страны (Рис. 4).

Рис. 4. Плакат «Победа революции в сотрудничестве рабочих и крестьян», худ. М. М. Черемных, 1925.

Во второй половине 1920-х гг. оформляется революционный миф, во многом благодаря кинематографу. Особая роль в этом процессе отводится трилогии С. Эйзенштейна («Стачка», 1924; «Броненосец “Потемкин”», 1925; «Октябрь», 1927), которая создала не только образный ряд революции как народной стихии, но оживила события революции, переместив их из прошлого в пространство легенды.

Культе революции, ставший в 1920-е гг. фактически государственным культом, непосредственно повлиял на формирование политической культуры советского периода и его мифологии. Революция рассматривалась не только как центральное событие XX века, но и как универсальное понятие, способ достижения поставленных целей и разрешения всех проблем — экономических, социальных, политических, технических, моральных. Слово «революция» активно использовалось в обыденной речи, служило конструктором для создания «революционных» имен и топонимов, уступая по популярности лишь имени Ленина. Оно содержало и религиозные смыслы, поскольку соотносилось с понятиями «вера», «чудо», «светлое будущее». По мнению Б. И. Колоницкого, вера в Чудо была важнейшим элементом массового политического сознания¹³, сохранявшего религиозное мировоззрение и успешно перекодировавшего религиозные смыслы в революционную символику.

В 1920-е гг. окончательно складывается система революционных праздников, постепенно вытесняя религиозные¹⁴. Характерной чертой праздничных практик была постановка театрализованных массовых представлений, проведение военно-спортивных парадов и демонстраций. Государственный церемониал расширялся за счет таких событий как выборы в советы, которые рассматривались не как частное мероприятие, связанное с реализацией гражданских прав, а как общественная обязанность, проводы новобранцев в Красную армию. Государственные праздники — День низвержения самодержавия, День Парижской коммуны, День интернационала, День Октябрьской Революции, День памяти Ленина — выполняли функции демонстрации лояльности власти, а также символизировали включенность человека во власть, ее народность. Ритуализируются партийные, комсомольские, пионерские практики, особенно связанные с инициацией молодежи, приобщением ее к «борьбе» за строительство коммунизма.

Народный образ советской власти, созданный в 1920-е гг., был переходным от образа, наполненного стихией революции, протестом, утопическими представлениями о будущем, к образу сильного государства, могущество которого опиралось на «единство» народа и Коммунистической партии, а также «мудрость и волю» вождя. Вместе с нэпом уходят в прошлое представления о народе как хозяине страны, горизонтальная модель власти замещается вертикальной иерархической моделью и это находит отражение в новых символах власти.

---

¹³ Б. Колоницкий, *Навстречу Октябрю. Красная Пасха революции. Наш Петроград - Четвертый Рим*, „Дело“ Еженедельник, 23.04.2007, URL: <http://www.idelo.ru/461/19.html>

¹⁴ Н. Шалаева, *Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации*, „Власть“ 2013, № 1, с. 132-136.

3.3. Партийно-государственный образ власти. 1930-е гг.

Образ власти, формирующийся в условиях культа личности в 1930-е гг. носит ярко выраженный персонифицированный характер: рядом с культом умершего вождя, создается культ вождя живого – И. Сталина – «верного товарища по партии», «истинного коммуниста», «отца народов». Он в значительной степени поглощает и присваивает другие символы власти, в том числе советские институции, выдвигая на первый план идею партии как проводника идей Ленина и вождя как мессии.

Структура образа власти сталинской эпохи наполнена знаками силы/мощи (техника, заводы, электростанции, трактора; самолеты и проч.); процветания и счастья (хлеб, дети, цветы), визуализация которых становится главной задачей пропаганды. Плакаты, фильмы, спортивные и военные парады, театрализованные представления 1930-х гг. формируют визуальный ряд, который был вполне способен приукрасить советскую действительность. Благодаря формированию нового советского стиля в архитектуре, заимствовавшего черты классицизма, преобразился облик крупных городов, прежде всего Москвы, где возводились дворцы культуры и науки, библиотеки, музеи, парки отдыха, украшенные алебастровыми скульптурами молодежи, спортсменов, рабочих и колхозников и мраморными – вождей. Облик небольших городов и деревень сохранялся, но декорировался флагами, лозунгами, плакатами. Это пространство советского стиля, охватывающее не только города и села, но и личное пространство граждан (жилье, быт), становится единым сплошным местом памяти, где все материальные объекты и их обозначения (топонимы и языковые маркеры), люди и отношения были встроены в идеальную картину будущего, которое уже наступило (настоящее будущее) (Рис.5).

Народ в новой структуре образа власти выглядит единым, не расколотым на антагонистические классы. Его состав определяло триединство рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, т.е. отражало не столько классовое, сколько социально-профессиональное единение. Цена за единство – постоянная борьба со скрытым врагом и страх перед угрозой разрушения государства извне, поддерживающие репрессивную политику власти.

Специфическим символом этого времени выступает Конституция 1936 г., декларирующая построение социализма и снявшая ограничения в реализации гражданских прав. Принятая в условиях нарастания репрессий и бесправия, конституция маскировала тоталитарный характер советского общества, одновременно формируя в сознании масс параллельную реальность осуществленной мечты, в которую хотелось верить.

Рис. 5. Плакат «Физкультурный парад – мощная демонстрация силы»,
худ. Г. Кибардин, 1938

Система государственных революционных праздников была дополнена семейными (Новый год, день матери), профессиональными (день Красной армии, День милиции и проч.) и бытовыми праздниками, формируя обновленный праздничный календарь, синхронизированный с природными циклами¹⁵.

В результате, к концу 1930-х гг. образ советской власти приобрел завершенность и полноту, обеспечивая глубину и силу воздействия на общество и во вне – на другие государства. Базовая структура символического ряда образа, зало-

¹⁵ С. Н. Филимончик, *Праздничная культура Петрозаводска в 1920-1930-е гг.*, „Carelica“ 2015, № 1 (15), с. 38-45. URL: <http://carelica.petrso.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf>

женная Февральской революцией, в дальнейшем эволюционировала в партийно-государственную символику, революционный образ был замещен образом сильного единого мощного государства, общества реализованной мечты, который сохраняется в памяти поколений вплоть до настоящего времени, поддерживая ностальгические настроения по советскому прошлому.

4. Плакаты раннесоветской эпохи как источник и механизм формирования образа власти

Особая роль в решении задач социального инжиниринга отводится *вербализации и визуализации* образа власти, что обеспечивает эмоциональность его восприятия и закрепление на уровне подсознания. Их сочетание свойственно медийным формам массового искусства, среди которых по силе влияния выделяется плакат и «живые картинки» – кинематограф.

Рис. 6. Плакат «Для Красной Армии нет преград», 1919 г. Худ. Неизвестен.

В раннесоветском обществе основным пропагандистским информационным каналом стал плакат – «...миллионный, массовый, уличный», который по словам В. Полонского: «...приблизит искусство к народу, заинтересует своим мастерством и развяжет нерастроченные запасы художественных возможностей»¹⁶. Политический плакат не только превратился в элемент повседневности, сопровождая советского человека в общественных местах – на улице, на работе, в магазине, в административных местах, а нередко проникая и в приватное пространство, но и преобразовал эту повседневность, активно воздействуя на нее словом и образом.

В этом, собственно, заключалась сила плакатного искусства – сочетании вербальной и визуальной техник. Смысловое ядро плаката формирует визуальный ряд, особенно цвет, форма и ритм изображения. В плакатном образе советской власти широко использовался красный цвет (красно-бело-черная гамма); форма звезды или круга (вечность), ритмический рисунок изображения определяли марши. Ассоциативный ряд образа власти дополнялся знаками прошлого (оковы/цепи), будущего (солнце), движения (паровоз), силы и мощи (танк/самолет/броненосец); труда (серп/молот/завод/трактор), народа (рабочий/крестьянин/воин), врага (буржуй/поп/белогвардеец/мещанин).

Все это в совокупности заряжало плакат энергетикой эмоции, которую усиливали и дополняли надписи – краткие, емкие, образные фразы, нередко в стихотворной форме. Надписи не просто иллюстрировали изображение или объясняли его, они «включали» вторую сигнальную систему, способствуя переходу эмоции в мотивацию.

Конструируя мировоззренческую картину мира, советский плакат активно оперировал понятиями «добра» и «зла», которые соотносились с определенными образами, знаками, цветом¹⁷. Особую символическую нагрузку нес красный цвет – символ революции, пролитой в борьбе за коммунизм крови. Популярным символом образа власти на плакатах раннесоветского периода была пятиконечная звезда. Помимо знака красноармейской доблести, она приобрела смыслы путеводного знака, сочеталась с образом солнца (будущего), обозначая путь мировому пролетариату к коммунизму.

Образ путеводной звезды в почти библейском смысле представлен на плакате «Для Красной армии нет преград!», изданном в 1919 г. в Харькове и подписанном стихами: «Над миром светлым и свободным / Горит огнем международным / Красноармейская звезда. / Ее лучи неугасимы / Алеют ровно сквозь туман, / И к ней, как древле пилигримы, / Идут рабочие всех стран»¹⁸. (Рис. 6).

---

¹⁶ В. Полонский, *Русский революционный плакат*, Москва 1924, с. 3.

¹⁷ Н.В. Шалаева, *Социокультурные задачи советской власти и политический плакат периода Гражданской войны*, [w:] *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, Тамбов, „Грамота“, 2012, № 5 (19): в 2-х ч., ч. I, с. 209-214

¹⁸ И. А. Есаулов, *Категория соборности в русской литературе*, Петрозаводск 1995, с. 174; С. Шешунова, *Язык пропаганды 1918-1922 гг. в контексте русской культуры*, URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?id=33&option=com_content&task=view

Стихотворный ритм, упорядочивающий ключевые слова советского образа (мир, свобода, огонь, красная армия, звезда, рабочие), придает тексту характер заклинания или молитвы, способствуя даже не укреплению, а «утверждению в вере».

Советский политический плакат в раннесоветский период транслировал две основные темы – это борьба с прошлым и строительство нового мира. Идея борьбы занимала центральное место в системе плакатных образов, менялся только образ врага. Более того, она приобрела сакральные смыслы и рассматривалась как единственный способ достижения светлого будущего. Идея борьбы, тесно сопряженная с идеей войны, была направлена на воспитание жертвенности и беспощадности, формируя модус общественного сознания советского человека и определенный тип поведения (пламенный борец).

Плакаты раннесоветского времени, особенно периода революции, гражданской войны и нэпа, густо населены, но не людьми, а «классами», отражая новую формирующуюся структуру советского общества. В ранних плакатах преобладали изображения рабочего/пролетария и крестьянина, часто вместе, иллюстрируя социальную опору советского государства диктатуры пролетариата. Вместе с Красной армией, они выступали на стороне «добра», неизменно побеждая «зло» – буржуев, белогвардейцев, империализм, религию и прочие символы прошлого.

В 1930-е гг. образ народа, как опоры существующего строя, сохраняется, но становится более разноликим, включая не только социально-классовые, но и национальные, демографические (половозрастные) типы, объединенные в понятие «советский народ». Главным героем плакатов 1930-х гг. становится И. Сталин, постепенно подчиняя и вытесняя не только вождей революции, но символы советской власти. Плакат 1930-х гг. формирует иконографию образа Сталина, отражая его вездесущность и разные статусы – вождь народа, указывающий верный путь (мессия); рулевой/кормчий/глава партии (мудрый руководитель); друг/брат/отец/дедушка (человек); мыслитель/провидец (гений).

Помимо пропагандистской составляющей, плакат представлял собой гибкий агитационный инструмент, быстро реагируя на властный заказ и конструируя необходимую реакцию общества. В годы революции и гражданской войны плакат способствовал мобилизации в Красную армию, пропаганде мероприятий власти (декрет о мире, земле, рабочем контроле и проч.), формированию в общественном сознании образа врага. В 1920-е гг. его функции расширяются: наряду с кинематографом плакат конструирует миф революции, рассказывая в доступной для полуграмотных масс форме ее историю, цели, задачи (серия «Азбука революции», худ. Адольф Страхов, 1921. См. рис. 2). Более сложные задачи способствовали тематическому и стилистическому разнообразию плакатов, который пытается новыми художественными средствами формировать новые образы, отражающие преобразование общества, переход в будущее (Рис. 7).

Рис. 7. Плакат «Октябрьская революция – мост к светлому будущему», 1927 г.

Совсем иное дело плакат 1930-х гг. – это преимущественно презентация успехов индустриализации и коллективизации, счастливой и благополучной жизни, дополненная идеей защиты социалистического отечества от внутренних и внешних врагов. Само искусство плаката канонизируется, теряет разнообразие, подчиняясь принципам «социалистического реализма» и становится одним из трансляторов «советского стиля» (см. рис. 5). На плакатах этого времени тиражируются символы мощи и силы государства, олицетворением которых стала армия, авиация, техника, а также знаки индустриализации – строящиеся электростанции, заводы и фабрики. Характерно, что в плакатах 1930-х гг. используется более мягкая и разнообразная цветовая гамма с преобладанием светлых тонов, близких к белому. Все нацелено на визуализацию достигнутого будущего.

Таким образом, благодаря своей информационной структуре, включающей короткие запоминающиеся надписи, визуальный ряд в цветовом и доступном широкой аудитории стилистическом решении (иконографическом или лубочном), плакат был способен не только передать основные идеи новой власти, но и добиться необходимого эмоционального эффекта, мотивации поведения и мифологизации сознания, в том числе исторической памяти.

Искусство плаката создает особую контактную зону, где происходит соединение индивидуального и массового сознания, формируется ощущение сопричастности, конструируется социальная идентичность новых классов и социальных групп.

5. Выводы

Образ власти выступает важнейшим инструментом влияния на общественное сознание и выполняет информационные, мотивационные и идентификационные функции. Его формирование проходит несколько этапов: конструкция–реконструкция–деконструкция, отражая исторические этапы становления советской власти и отвечая на ее запросы. Каждому этапу соответствовал свой официальный образ власти:

- 1917–1923 гг. (революция и гражданская война) – *революционный образ* (конструкция), неполнота которого компенсировалась эмоциональностью и жесткой дихотомией свой/чужой, символизировавшей раскол общества на два враждебных лагеря. По силе влияния этот образ оказался наиболее сильным и эмоциональным, закрепляясь у новых поколений на уровне подсознания. В советской истории можно выделить еще как минимум два периода, когда наблюдается реанимация этого образа в исторической памяти общества – это «оттепель», положившая начало процессу десталинизации; а также перестройка. Оба периода характеризуются процессами демократизации общества, опиравшимися на символы Революции;

- 1924–1929 гг. (НЭП) – *народный образ советской власти*, связанный с решением задач восстановления и преобразования общества, нацеленного на реализацию коммунистического проекта. Идеологическим ядром нового образа власти остался культ Революции, реконструированный с учетом новых задач социалистического строительства, которые рассматривались как ее продолжение. В силу субъективных и объективных причин данный образ не получил дальнейшего развития и был демонтирован, поскольку не соответствовал новым запросам власти;

- 1930-е гг. (сталинская эпоха) – на основе деконструкции революционного образа формируется *партийно-государственный образ власти*, также использовавший идеи революции, но как героическое прошлое, благодаря которому было построено желаемое будущее – социалистическое общество – первая ступень коммунизма. И в этом будущем единственным гарантом завоеваний Октября является Коммунистическая партия и ее вождь – И. Сталин. Партийно-государственный образ советской власти отличается от более ранних вариаций использованием символов мощи, единства и беспощадности к врагам, что также придавало ему сильный эмоциональный заряд, поддерживая тоталитарный режим и формируя ностальгические настроения по сильной власти у поколений «детей революции», в частности у современной российской молодежи¹⁹.

В целом, на протяжении всего раннесоветского периода официальный образ советской власти транслировал три основные идеи – борьбы, классовости и будущего, менялись только акценты. Они задавали основной тренд эволюции образа власти.

---

¹⁹ См. подробнее: Liudmila Mazur, *Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia*, "Canadian Slavonic Papers" – "Revue canadienne des slavistes", vol. 57, issue 3-4, 2015, p. 213-238.

Среди механизмов конструирования образа власти в раннесоветский период особую нагрузку несли агитационно-пропагандистские формы искусства, среди которых выделяется политический плакат. Его можно рассматривать как основной канал визуализации и вербализации образа власти. С развитием кино и приходом телевидения значение плаката в жизни общества постепенно снижается, но не совсем, скорее происходит трансформация концепции плаката в другие варианты трансляции образа и запросов власти.

BIBLIOGRAFIA:

Źródła

Декрет о памятниках республики от 12 апреля 1918 г., [w:] *Декреты советской власти: в 15 т.*, т.2: 17 марта – 10 июля 1918 г., Москва 1959, с. 95-97.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#1>

Постановление о форме бланков государственных учреждений от 2 марта 1918 года, [w:] *Декреты советской власти: в 15 т.*, т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г., Москва 1957, с. 514-515.

Формула торжественного обещания воинов Рабоче-Крестьянской Красной армии, [w:] *Декреты советской власти: в 15 т.*, т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г., Москва 1959, с. 156.

Literatura

Mazur L., *Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia*, "Canadian Slavonic Papers" - "Revue canadienne des slavistes", volume 57, issue 3-4, 2015, p. 213-238.

Боннелл В., *Репрезентация женщины в ранних советских плакатах*, [w:] *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*, под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романовой, Москва 2009.

Вортман Р., «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века, „Россия” вып. 3 (11): *Культурные практики в идеологической перспективе*, Москва 1999, с. 233 – 244.

Есаулов И. А., *Категория соборности в русской литературе*, Петрозаводск 1995.

Колоницкий Б.И., *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 г.*, „Культурология” 2002, № 4 (24), с. 98-114.

Колоницкий Б., *Навстречу Октябрю. Красная Пасха революции. Наш Петроград - Четвертый Рим*, „Дело” Еженедельник. 23.04.2007. URL: <http://www.idelo.ru/461/19.html>

Колоницкий Б.И., *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 г.*, Sankt-Peterburg 2000.

Мазур Л. Н., *Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе (1917-1953 гг.)*, „Вестник архивиста” 2017, № 3, с. 168 – 182.

Полонский В., *Русский революционный плакат*, Москва 1924.

Романович Н. А., *Образ власти как отражение российской политической культуры*, „Вестник ВГУ”, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010, № 1.

Филимончик С. Н., *Праздничная культура Петрозаводска в 1920-1930-е гг.*, „Carelica” 2015, № 1 (15), с. 38-45. URL: <http://carelica.petrus.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf>

Шалаева Н. В., *Персонификация образа власти в советской политической культуре 1920-х гг.*, „Власть” 2014, № 2, с. 179–183.

Шалаева Н., *Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации*, „Власть” 2013, № 1, с. 132–136.

Шалаева Н.В., *Социокультурные задачи советской власти и политический плакат периода Гражданской войны*, „Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики” Тамбов 2012, № 5 (19): в 2-х ч., ч. I, с. 209-214

Шешунова С., *Язык пропаганды 1918-1922 гг. в контексте русской культуры*, URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?id=33&option=com_content&task=view